

Петр ШМАКОВ

(Продолжение, начало в № 98).

Но председатель был у себя в кабинете. Он сидел за большим столом, лохматый, крутолобый, с детским маленьким ртом. Тонкий до прозрачности нос свисал над верхней губой. Председатель, которого звали Валентин Валентинович, молча смотрел на Гриньку и ждал. А Гринька вошел степенно. Как увижу — во мне все захолонает. Будто бы говорить с ней могу, будто понимаем мы друг друга... Вот... Однажды в техникум зоотехнический готовился. Да вот текучка заела...

Председатель улыбнулся последним словам Гриньки, но ничего не сказал. Долго молчал. Гринька посмотрел на него и испугался. Лицо почернело, глаза закрылись, а рот стиснут и стамеской не разомжешь. «Ну, и видок у тебя, — на этот раз уже с тоской подумал Гринька. — Хоть марш похоронный заказывай...»

У СТАРОГО ТОПОЛЯ

РАССКАЗ

пенно, передохнул, снял кепку, прошел по кабинету поближе к столу, сел.

— Я к вам, Валентин Валентинович...

— С чем? — недружелюбно спросил председатель. Он только что подумал: почему не в вагончике? Бросил смену? И завтра опоздает. Шутка ли, десять километров. Самая дальняя делана.

— С чем... — ухмыльнулся Гринька. — Вы сегодня в районке сводку видели?

— А что с того? И давно это, товарищ Колпаков, вы стали молоком интересоваться? — с издевкой спросил председатель.

Гринька не обратил внимания на тон и на издевку и спокойно ответил:

— Может, с того, как родился.

— Ну и ну... протянул председатель. — Значит, с пеленок Гринька Колпаков молочком интересуется. Вполне понятно. И до сих пор этот интерес не пропадает?

— Не пропадет. Валентин Валентинович. А скажу я вам такое... Такое мое безоговорочное предложение: Филиппа Извекова с пастухов снимайте — раз. Пастухом ставьте меня — два. Минька Мельков владеет трактором в норме — три. Филипп к скотине, как фашист. Не любит ее. Любая доярка скажет. От меня толк будет полный. Скот люблю, травы знаю и имею, желание быть пастухом. Иначе всегда мы по молоку в хвосте плестись будем.

Гринька все выпалил одним махом, не давая председателю опомниться, не давая ему возможности перебить и вставить хоть одно слово. Когда закончил свой монолог, открыто посмотрел председателю в глаза и добавил:

— Безоговорочно. Усек? Тут же спохватился, что любимое словечко выронил не там, где следует.

Но председатель не обратил на него внимания. Он молчал. Молчал долго и как-то тяжело. Гриньке сделалась даже не по себе. Уж живой ли он, председатель? Не хватила ли его кондрашка?

— Безоговорочно, значит? — недружелюбно спросил председатель. Густые, черные брови сбежали к переносью и из двух получилась одна, длинная. Гринька поразился. Давно знает его, а такого не замечал.

— Так и есть.

— А ты со скотиной-то водился когда?

— Вдохновение на скотину

чал. Гринька посмотрел на него и испугался. Лицо почернело, глаза закрылись, а рот стиснут и стамеской не разомжешь. «Ну, и видок у тебя, — на этот раз уже с тоской подумал Гринька. — Хоть марш похоронный заказывай...»

— Конечно же, — пожал плечами Гринька. Ведь говорил о том. Чего травить?

— Слушай, Колпаков, а что если попробовать? А-а? — Окивился председатель. — Чего пробовать-то? — не понял Гринька.

— Как чего? А вот это самое: сделать пастухом Колпакова? Вдруг ты прав? Редко ж такое случается: сам прошибся в пастухи... К тому еще от техники...

— Правильное будет решение. Совершенно, — самодовольно ответил Гринька. — Принимать завтра?

— Конечно. Утром на раскомандировке заведующему дам указание.

— Спасибо.

— Ну, будь здоров. — протянул руку Валентин Валентинович. — Желаю удачи.

Гринька вышел на крыльцо, достал из кармана пачку папирос, закурил и вслух сам себе сказал:

— Порядок в танковых войсках.

Ночь устойчиво лежала над деревней. У клуба гомонили девчата и ребята. Повизгивала гармошка. Сверху круто падали звезды. Гринька делал короткие затыжки, длинно выпускал и довольно думал о председателе.

— Молодец, что решился. А то бы я до райкома дошел. Но было бы по-моему.

Здесь Гринька себя переоценил. Он был настойчив сразу, как ему приходило решение. А если бы его начали отговаривать — он бы сдался. Зная за собой такую слабость, Гринька и любил людей рискованных, любил со скрытой радостью. Если ему приходилось видеть, как люди решительно поступают в делах, он особенно умился. Мысленно представляя, как завтра он примет у Филиппа стадо коров и как выгонит его в душистое поле, а в полдень пригонит на дойку, к стойбищу, и увидит ее, встретив удивленные голубые глаза, жизнь его станет теплой и доброй, как вот и вся его земля, населенная такими же добрыми и хорошими людьми.

(Продолжение следует).

Зам. редактора
А. В. СЕМЕНОВ.

// Заветы Ленина,
1975, 19 августа, с. 4.